

A young man with curly blonde hair and a green sweater stands next to a fairy with large, iridescent wings and a leafy crown. They are in a sun-dappled forest. Mushrooms are visible on the ground and on the man's head.

ХЕЛЬГА МЭЙС

отель

ПОД КОРНЯМИ

КАК ЛЕШИЙ СЕБЕ

ФЕЮ ИСКАЛ

Хельга Мэйс
отель "Под корням": Как
леший себе фею искал
Серия «Феечкин отель», книга 3

<https://litres.ru/74074443>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда леший из Дальней Чаши уходил с Серебряной поляны, он поклялся забыть фею, которая предпочла ему черта. Поклялся, но не забыл. Чтобы отвлечься от горечи, он с головой уходит в работу: спасает больные деревья, растит гибридные желуди и старается не думать о том, что где-то под корнями каштана его фея теперь пьет чай на пару с чертом.

Но Лес — он на то и Лес, чтобы сталкивать судьбы. Во время очередного обхода своих владений леший натывается на другую фею. Она отчаянно спорит с дубом, лечит его больные корни и, судя по всему, понятия не имеет, как отсюда выбраться.

И леший решает: хватит ждать у моря погоды. Он намерен идти напролом. Он предлагает фее помощь, она соглашается, не подозревая о его истинных намерениях. Но она оказывается невероятно упрямой, и леший понимает: чтобы покорить ее сердце, нужно сначала покорить ее доверие.

Содержание

1	4
2	25
3	50
4	80
5	106
6	123
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Хельга Мэйс

отель "Под корням": Как леший себе фею искал

1

Милван из Дальней Чащи ненавидел две вещи: бюрократию и безмолвные ожидания. С первой он почти смирился, потому что Лесной Совет иногда все же требовал его подписи на бумажках, касающихся здоровья вековых деревьев.

Со второй он покончил раз и навсегда той самой ночью на Серебряной поляне, когда смотрел, как фея Вересковая Росинка танцует с чертом и смеется так, как не смеялась ни разу за все столетия их знакомства.

Тогда он ушел тихо, не прощаясь, и с головой ушел в работу. Лес не прощает безделья, а Дальняя Чаша — тем более.

Здесь каждое дерево имело свой характер, каждая тропинка стремилась запутать путника, а каждый больной корень требовал немедленного внимания. Если в Цветущем Лесу Росинка ухаживала за постояльцами, то в Дальней Чаще Милван ухаживал за самим лесом.

И это отвлекало лешего. Ну... почти.

Прошло три луны, пока он впервые задумался о том, чтобы снова выйти за пределы Чащи. Повод был веским — солнцестояние. Лесной Совет созывал всех хранителей на ежегодную проверку здоровья дубов, и присутствие Милвана было строго обязательным. Скрипя сердцем, он собрал дорожный мешочек с инструментами, запер свой домик, пожелал удачи своей растущей коллекции гибридных желудей и отправился в путь.

Обход леса занял два дня. Он двигался привычным маршрутом — от старой сосны к дуплистому вязу, от вяза к ручью, от ручья к кленовой роще. Погода стояла пасмурная, но

теплая: лето вступало в свои права, покрывая поляны цветами, а деревья — густой листвой.

По пути он ворчал на сороку, которая пыталась стащить у него из мешочка черпак.

Спас от муравьев молодой побег.

Обменялся парой фраз с господином Филином, который, как оказалось, возвращался обратно в Цветущий Лес. Он посоветовал лешему на «невыносимый шум из домика под каштаном».

— Раньше там было тихо! — жаловался господин Филин, хлопая крыльями. — А теперь — гомон, смех, и этот черт,

Инфернус, кажется, даже научился танцевать! Теперь только и слышен ритмичный стук копыт!

Милван только хмыкнул и пошел дальше, стараясь не представлять эту картину — не вышло. Больно кольнуло под ребрами, но он быстро заставил себя отвлечься на предстоящую работу. Впереди, в самой глубине Дальней Чаши, рос один старый дуб. Он был болен — листья желтели, кора трескалась, и если бы не врачевание Милвана, дуб давно бы засох. Леший регулярно навещал его, и сегодня как раз был день очередного осмотра.

Когда Милван вышел на поляну, он замер. Кто-то уже был там...

Возле дуба стояла... фея? Только не одна из тех, что танцевали на Серебряной поляне ночью, — эта была ему незнакомой. Она была ростом с Вересковую Росинку, но светловолосая: волосы цвета спелой пшеницы ниспадали до поясницы, на голове красовался аккуратный венок из листьев ивы, переплетенных тонкими веточками березы. Ее крылышки, полупрозрачные, как утренняя роса, трепетали за спиной, мерцая на солнце едва уловимым белым светом. На ней было платье из нежной светлой ткани.

Фея стояла перед дубом, уперев руки в боки, и что-то горячо и убедительно втолковывала ему.

— ...и я тебе говорю, — вещала она, и ее голос звенел, как ручеек, перекатывающийся по гальке, — твой корень номер три абсолютно здоров! А вот корень номер пять — сухой, и если ты сейчас же не перестанешь экономить влагу, ты засохнешь до осени! И не спорь со мной, я вижу тебя насквозь! Ты просто ленишься тянуть соки из земли, потому что там,

на глубине, тебе что-то не нравится? Да? Я угадала?.. Ой, да что ты там нашел?.. Камешек? Ну, так передвинь его! Ты же дуб! У тебя сила и мощь! Ты что, маленький росточек, чтобы так капризничать?

Милван, затаившись за кустом орешника, наблюдал за этой сценой с искренним изумлением. Фея разговаривала с дубом так, будто тот был не деревом, а капризным ребенком, у которого случился приступ упрямства. И дуб, надо сказать, отвечал ей: его ветви слегка дрожали, а в кроне поднимался легкий шелест. Похоже было на то, что он оправдывался.

— Ну хорошо, — фея вздохнула и присела. — Покажи мне этот твой корень. Не поворачивайся ко мне спиной! Я, между прочим, тебя лечу, а не вредю! Я Листопадная Искорка, а не какой-нибудь трутовик! Между нами есть разница, так что будь добр, относись ко мне с уважением!

Она приложила ладони к земле у основания дуба, и по ее рукам пробежала зеленая рябь. Трава вокруг на миг зазеленела ярче, а у корня дуба показался едва заметный теплый свет. Дуб вздохнул — именно вздохнул, это было слышно даже Милвану, выглядывающему из куста, — и его листья слегка расправились.

— Вот и хорошо, — фея поднялась, выпрямилась и отряхнула платье. — Теперь води себя прилично, иначе я вернусь и применю магию, которая заставит тебя пить воду, даже если ты этого не хочешь.

Она улыбнулась, на ее лице, слегка чумазом от земли, появилось такое довольное выражение, что у Милвана на мгновение защемило сердце. Эта фея напомнила ему Росинку. Ту

самую, которая когда-то тоже заблудилась в Чаше, но смотрела на мир иначе — так же доверчиво и так же открыто. Эта же фея выглядела более опытной, что ли. Она явно знала толк в деревьях. А еще... эта фея была одна.

Леший сделал глубокий вдох. «Хватит ждать», — сказал он себе. — «Хватит стоять в тени. Ты видел, что бывает, когда молчишь и ждешь у моря погоды. Это не должно повториться. Никогда». Он выпрямился во весь рост, откинул со лба светлую прядь и, как можно более непринужденно, шагнул из-за кустов на поляну.

— Добрый день, — сказал он. Его голос прозвучал чуть громче, чем планировалось. Фея вздрогнула и обернулась с такой стремительностью, что венок чуть не слетел с ее головы.

— Ой! — она отступила на шаг и замерла, разглядывая незнакомца. — Ой, простите! А я вас не заметила! Вы... вы леший?

— Милван, — представился он и постарался, чтобы улыбка вышла не слишком хищной. — Хранитель Дальней Чащи.

— Листопадная Искорка, — ответила она. — Фея-лекарь. Я тут пролетала мимо, увидела, что дубу совсем плохо, и решила помочь. Он, наверное, ваш? Красивый дуб, только слишком упрямый. Знаете, такой «я сам все знаю» тип, в смысле дубового возраста.

— Я его лечу уже лет двадцать, — сказал Милван, приближаясь. — У него корни уходят в глинистый слой, и он

действительно недополучает влаги. Вы правы.

— Правда? — ее лицо осветилось неподдельной радостью. — А то я думала, что одна это заметила! Он же мне не верит, представляете? Говорит, что я слишком молодая, а дуб, видите ли, старше меня на несколько веков, — она покачала головой и улыбнулась, мягко, почти по-дружески.

Милван почувствовал, как в груди что-то дрогнуло. Она была прекрасна. Искренняя, увлеченная своим делом и совершенно незнакомая. В этот раз он сделал то, чему научился на горьком опыте: леший решил действовать.

— Листопадная Искорка, — повторил он, пробуя имя на

вкус, как когда-то пробовал имя Вересковой Росинки. — У вас очень красивое и длинное имя.

— Сокращенно — просто Искорка, — улыбнулась фея, поправляя венок. — Знаете, среди фей длинные имена — традиция. Моя мама уверена, что короткое имя ведет к короткой судьбе. А у меня планы, — она указала на лес вокруг себя, — здесь столько деревьев, которым нужна помощь. Мне нужно долго жить!

— Это мудро, — заметил Милван и, набравшись смелости, добавил: — Вы заблудились, я прав?

— Ой! — Искорка вскинула руку к губам. — Я совсем забыла! Да, я летела по следу большого клена, увлеклась и... и теперь понятия не имею, где я. Это Дальняя Чаша, да? Я редко сюда захожу. Тут так... по-лесному, — она засмеялась. Смех у нее был звонким, как утренний звон колокольчика.

Милван шагнул ближе. Он чувствовал, как сердце колотится о ребра — как в тот самый первый раз, когда он вывел юную Росинку из Чащи. Только теперь он не намеревался просто показать дорогу. Нет! Он хотел быть нужным. И он знал, что для этого не стоит отступать.

— Я провожу вас, — сказал он. — Но сначала... — леший улыбнулся и сделал еще один шаг, теперь уже почти вплотную, — может быть, выпьете чаю из моих трав? Я тут неподалеку живу, у меня в домике и сушеная малина есть. Устали, наверное, с этим упрямым воевать, — он кивнул на дуб.

Фея удивленно моргнула. Она явно не ожидала такого

приглашения от незнакомца, пусть даже и лешего, хранителя Чащи.

— Ну... — она перевела взгляд с дуба на Милвана, с Милвана на свои испачканные руки, и снова на Милвана. — Это... неожиданное предложение.

— Почему? — спросил он, стараясь сохранить голос ровным, хотя внутри все бушевало. — Лес — это гостеприимство, а Дальняя Чаща — самое гостеприимное место в округе, правда. А еще я отменно завариваю травяной чай.

Милван не врал. Он действительно умел заваривать чай, а еще собирать ягоды и не смотреть на фею слишком пристально. Но он очень хотел, чтобы Искорка согласилась. Он хотел, чтобы этот вечер, этот разговор, это случайное знакомство стало началом чего-то, что не разобьет ему сердце. И ради этого он готов был идти напролом.

— Ну... — фея снова замаялась. Ее прозрачные крылышки дрогнули, — знаете, я ведь и правда проголодалась. И чай с малиной... это очень по-лесному. У нас в Цветущем Лесу, где я сейчас живу, я как раз собиралась открыть свою практику — лечить деревья при помощи собственной магии, — она улыбнулась, и в ее глазах заплясали озорные огоньки.

— Тогда решено! — Милван поспешно кивнул, боясь, что она передумает. — Пойдемте, я покажу вам дорогу. Там, у меня, есть еще и сушеная мята, и мед — правда, вересковый, сбор прошлого года.

Он произнес это и тут же пожалел. Вересковый мед — это

все, что осталось у него от Росинки. Но эта фея, разумеется, ничего не знала о его прошлом. Она улыбнулась и, прихватив свою сумочку, шагнула за ним по тропинке. Ее крылышки за спиной мерцали, и Милван чувствовал, как ее взгляд касается его спины, — такой изучающий и любопытный.

— А вы, — спросила Искорка, ступая по мху, — вы всегда такой... гостеприимный? Или это только с феями? — Милван закашлялся, споткнулся о корень и едва удержал равновесие, вцепившись в ближайший ствол сосны.

— Это... — он прочистил горло и обернулся, стараясь выглядеть достойно, — это зависит от феи.

— От феи? — переспросила Листопадная Искорка, и в ее глазах блеснул интерес.

— От конкретной феи, — уточнил леший и, решив, что пора переходить к активным действиям, протянул фее руку, чтобы помочь перешагнуть через поваленный ствол. — Вот такой, которая лечит деревья и спорит с дубами до хрипоты, — Искорка приняла его руку. Ее ладонь была прохладной и легкой.

— Вы смешной, — сказала она, переступая через ствол, — и очень странный. Но мне, почему-то, это нравится, — и фея улыбнулась.

В этот момент Милван понял: все! План начал работать. Осталось только не испортить его своей неуклюжестью, вечной привычкой ждать и, что самое главное, не думать о Вересковой Росинке.

-----##-----

Лес вокруг шумел, ветер трепал кроны деревьев, а впереди, за поворотом тропы, стоял его домик. Впервые за последние три луны Милван чувствовал, что готов войти в него не один.

Дальняя Чаша, казалось, одобрительно зашелестела лист-

вой.

2

Домик Милвана стоял в самой чаще, где даже днем царил зеленый полумрак, а воздух пах мхом, прелыми листьями и еще чем-то неуловимо вкусным, будто здесь всегда только что испекли хлеб. Когда они с Искоркой подошли к крылечку, фея замерла и окинула взглядом строение с явным одобрением.

Домик был не чета тем аккуратным, подстриженным и вы-

лизанным домикам Цветущего Леса. Он казался частью природы — то ли выросшим из земли, то ли сросшимся с ней. Стены из нестроганных бревен, увитые плющом. Крыша из водостойкого мха, который рос в его Дальней Чащи. Крылечко, на которое вели три ступени из плоских валунов. Над дверью висел венок из сухих веток и рябины, а из трубы, сложенной из камней, вился тонкий дымок — Милван, уходя на обход, подкинул несколько поленьев «на авось».

— Здесь уютно, — сказала Листопадная Искорка, присаживаясь на крылечко. — Прямо как в сказке. Знаете, у меня в Цветущем Лесу сейчас съёмная комнатка в домике под корнями старого дуба. Там тоже красиво, но... здесь как-то по-настоящему.

— Здесь — по-лесному, — кивнул Милван, открывая дверь и жестом приглашая фею войти. — Добро пожаловать в мое скромное жилище. Прошу прощения за беспорядок — я не ждал гостей.

Леший не врал: внутри действительно царил легкий творческий хаос.

Сушеные травы развешаны по стенам пучками, на столе — банки с семенами, с одного стула свисала какая-то старая рубашка, которую Милван поспешно запихнул под кровать, а в углу стоял мешок с желудями, который он начал сортировать, так и не закончив.

— Ничего, — отмахнулась Искорка, проходя внутрь. — У меня тоже вечно все разбросано. Зато сразу видно, что здесь кто-то живет, что-то делает, а не просто сидит и ждет у моря погоды.

Милван хмыкнул. Она еще не знала, что он ждал у «моря погоды» почти триста лет. Но сейчас леший собирался это исправить.

Он засуетился у очага: подкинул дров, повесил чугунный чайник, вытащил из шкафчика глиняные кружки, сушеную малину, мяту и — самое ценное — банку верескового меда. Искорка, присев за стол, с интересом наблюдала за его манипуляциями.

— У вас тут есть все, — заметила она, с любопытством рассматривая пучки трав, — даже календула. А это что за корни в углу?

— Женьшень, — ответил Милван, не оборачиваясь. — Я его выращиваю для Лесного Совета. Им в Аптеку не хватает поставок.

— А вы много знаете о травах?

— Леший без трав — что гриб без шляпки, — пожал он

плечами. — Я здесь почти семьсот лет. Лес меня всему научил. Раньше я больше по стройматериалам специализировался, но в последние время увлекся фитотерапией.

Он не стал уточнять, что увлекся ею в то самое время, когда потерял Вересковую Росинку, и что заваривать ромашку и мелиссу он научился, чтобы пережить бессонные ночи, когда в мыслях всплывали ее танцы с другим. Но это было лишнее...

Чайник закипел, и Милван, стараясь не спешить, разлил по кружкам душистый настой, украсив каждую веточкой мяты.

— Прошу, — он пододвинул кружку к фее, — травяной сбор. Говорят, от него даже самый строптивый дуб становится сговорчивым.

— Это мне пригодится, — улыбнулась Искорка, осторожно делая глоток. Ее глаза на мгновение прикрылись от удовольствия. — Вкусно и необычно... С мятой и... неужели лимонником?

— Угадали, — кивнул Милван, чувствуя, как тепло разливается в груди не столько от чая, сколько от того, что фея

оценила его настой.

Они сидели в его домике, пили чай, и леший уже начал придумывать, как бы так аккуратно намекнуть на совместную прогулку, когда за окном раздался шум. Кто-то большой и, судя по звукам, совсем не осторожный продирался сквозь заросли. Ветки трещали, мох летел в разные стороны, и голос — басистый, немного гнусавый — ворчал на всю округу:

— Вижу, вижу, дымок-то вьется, значит, Милван дома! А я-то думал, что его нет. Судя по запаху... не один чаепитие

устанавливает. А ну с дороги! Ых!

Милван замер. Сердце рухнуло в пятки. Он узнал этот голос. И это было плохо. Очень плохо.

В дверь, не дожидаясь приглашения и толком не постучавшись, ввалился гость.

Это был леший. Только не такой, как Милван. Во-первых, он был в два раза шире в плечах, с густой, совершенно седой бородой, заплетенной в косу, с небольшими ветвистыми рогами, на которых висели высушенные поганки и прочие лесные трофеи. Во-вторых, его одежда больше напоминала охотничий костюм: кожаные штаны, жилет из шкуры кабана, сапоги с железными набойками. От него пахло дымом, хвоей и почти такой же брагой, которую варили гномы в Цветущем Лесу.

— Милва-ан! — пропел гость, разводя руки в стороны, будто собирался обнять хозяина домика. — А я к тебе по делу! Ты не поверишь!.. Да и не надо! Я сам тебе все расскажу! А это... — он перевел взгляд на фею, и его глаза, маленькие и черные, как угольки, округлились. — А это что за цветочек? Не ожидал! У нашего Милвана — гостя! Да еще и фея! Поздравляю, брат, ты почти человек!

Фея, не смутившись, склонила голову набок и улыбнулась гостю той же открытой улыбкой, которую час назад подарила Милвану.

— Здравствуйте! — сказала она. — Я Листопадная Искра, фея-лекарь из Цветущего Леса. А вы, простите...

— Огнеяр! — пророкотал гость, отвечивая ей низкий, почти шутовской поклон. — Леший из Северных Урочищ, первый охотник и главный заготовщик меда в этих краях! Слыхала про такого?

— Я не из этих краев, — честно ответила фея, переводя взгляд на Милвана. — Я только сегодня сюда попала.

— Ах, ну да, ну да! — закивал Огнеяр, бесцеремонно плюхаясь на табурет, который жалобно скрипнул под ним, но чудом выдержал. — В Цветущем Лесу я бываю редко, там слишком... цивилизованно. Зато у нас тут, в Чаще да в Урочище, самый разгар! Жизнь кипит! Волки воют, медведи тырят нашу брагу, а лешие друг с другом... кхм, — он запнулся, бросив многозначительный взгляд на Милвана. — В общем, оживленно. А ты, Милван, почему мне не сказал, что у тебя

тут такое... мероприятие?

— Потому что это не мероприятие, Огнеяр, — сквозь зубы процедил Милван, — а чаепитие. Частное.

— Ну-у, частное всегда может изменить свой статус, — протянул гость и снова повернулся к Искорке. — А вы, значит, фея-лекарь? Прекрасная профессия! Моя троюродная кухня тоже была феей, пока не вышла замуж за водяного. Теперь она живет в Запрудном озере, лечит рыб и ругается с везде растущими водорослями. Хорошая женщина. Но вы лучше! — он хлопнул ладонью по столу, отчего чашки с настоем подскочили. — У вас крылышки красивые. Прямо как у...

— Огнеяр, — Милван встал, обходя стол и становясь между гостем и феей. — Зачем ты пришел?

Он старался, чтобы его голос звучал ровно, но внутри все кипело от злости. Огнеяр был не просто соседом. Он был его старым знакомым, с которым они делили и добычу, и грибные места, и даже одну глупую историю в молодости, когда оба увлеклись одной и той же русалкой. Тогда она выбрала Огнеяра, но в итоге ушла к водяному, так что счет остался ничейным. Однако сейчас, глядя на то, как пришедший леший развалился на его табурете и как пялится на Искорку, Милван почувствовал, что ничейных счетов больше не будет. Он проиграл черту Росинку молчанием, и теперь он не собирался уступать ни одной феи, тем более этому растяпе с седой бородой.

— По делу! — Огнеяр вытащил из-за пояса какой-то свиток, истрепанный и кое-где засаленный. — Вот! Предписание. Лесной Совет требует от каждого лешего провести «инвентаризацию дуплистых деревьев» на своей территории. К солнцестоянию! Сроки горят! А у меня в Северных Урочищах таких дуплистых деревьев — полтора гектара! Мне одному не справиться! Вот я и решил, — он подмигнул Милвану, — попросить тебя о помощи, потому что ты, брат, как никто умеешь считать дупла. У тебя даже желуди пронумерованы!

Он кивнул головой на мешок в углу. Милван покраснел. Действительно, желуди были рассортированы и подписаны: «1-А, гибридный», «2-Б» и так далее.

— Это просто порядок, — буркнул Милван.

— Ага! — хохотнул Огнеяр. — Я и говорю! Ты — лучший! И как раз кстати! Я завтра утром выхожу, — он снова перевел взгляд на Листопадную Искорку. — А вы, прекрасная фея, чем будете заниматься завтра? Не хотите ли присоединиться? Я знаю такие места в Северных Урочищах, где мед... м-м-м... просто течет по деревьям! А на полянах кругом — ягоды! И если вы любите природу, то...

— Она идет со мной, — отрезал Милван.

Фея, до этого молча наблюдавшая за их перепалкой, удивленно подняла бровь.

— Ой! — вырвалось у нее. — Я, простите, еще не решила, куда пойду. Я же вообще в этой Чаше первый день. И у меня

еще куча работы — сухие деревья, больной клен...

— Так это ж здорово! — Огнеяр снова хлопнул по столу. — У меня в угодах три больных дуба и один клен, который уже десять лет не плодоносит! Знакомые лешие разводят руками. А вы как раз тот специалист, который нам нужен! Я угощу вас медом, проведу по лучшим местам, покажу, как мы, лешие, живем. Может, даже в баню свожу, — он подмигнул.

От слова «баня» Милван побледнел, а Искорка, напротив, слегка зарделась.

— Баня — это... ну, это перебор, — сказала она, поправляя свой венок. — Но от меда я не откажусь. Я вообще люблю сладкое. И деревья лечить — моя работа. А вы правда знаете, где есть больные дубы?

— О, да я их всех знаю поименно! — заверил ее Огнеяр. — Я ж там каждый куст изучил. И вообще, Милван, не жмись! Выручи соседа! Пойдем вместе! Ты будешь дупла считать, а я — фею развлекать, — он снова подмигнул, но на этот раз, кажется, уже Искорке.

В домике повисла напряженная тишина. Милван сжимал кружку так, что она начала трещать. Фея переводила взгляд с одного лешего на другого, явно что-то прикидывая в уме. А Огнеяр, совершенно не чувствуя напряжения, уже хозяйничал у камина, наливая себе чаю из заварника.

— Значит так, — сказал Милван наконец, ставя кружку на стол. — Завтра я покажу Искорке Дальнюю Чашу. У меня тоже есть больные деревья. А ты, Огнеяр, — он повернулся к гостю, стараясь говорить спокойно, хотя кулаки под столом были крепко сжаты, — ты можешь присоединиться, если хочешь. Но я иду первым. Я ее нашел!

— Ах, нашел! — ухмыльнулся Огнеяр. — Да она сама к тебе пришла, просто мимо проходила. И вообще, мы только что познакомились! А я, может, хочу с ней тоже познакомиться. Поближе, — он красноречиво посмотрел на фею.

Листопадная Искорка, сидевшая между двух леших, вдруг засмеялась — звонко и совершенно бесхитростно.

— Вы оба такие смешные! — сказала она, качая головой. — Я же фея, а не яблоко на ярмарке. И мне, между прочим,

нужна помощь с одним очень упрямым деревом, здесь в Чаще. И если вы оба так хотите мне помочь, — она лукаво посмотрела сначала на Огнеяра, потом на Милвана, — то почему бы нам не устроить... ну, соревнование?

Милван поперхнулся воздухом.

— Соревнование? — переспросил он.

— Да! — Искорка хлопнула в ладоши. — У меня завтра запланирован осмотр старого дуба на краю Чащи. Он болеет, и я знаю, что ему нужно, но мне понадобится помощь. Кто

из вас сможет достать для него редкий мох, который растет только на Северных скалах? — она посмотрела на Огнеяра. — А кто принесет целебную воду из Западного ручья, которая течет только под полной луной? — она посмотрела на Милвана.

Оба леших замерли.

— Северные скалы — это в моих Угодьях! — тут же вскинулся Огнеяр. — Я мигом! Туда и назад.

— А Западный ручей на моей территории, — мрачно сказал Милван. — И луна сегодня как раз полная.

— Тогда решено! — объявила фея. — Завтра утром встречаемся у старого дуба. Кто первый принесет свои ингредиенты, тот и... ну, будет моим главным помощником. А второй — запасным.

Она улыбнулась, вставая из-за стола. Ее крылышки, полупрозрачные, как крылья стрекозы, едва заметно дрогнули от удовольствия. Она явно наслаждалась этой ситуацией.

Милван, с одной стороны, злился на Огнеяра, который явился как снег на голову, и на себя, что не успел пригласить фею на прогулку без лишних свидетелей. С другой стороны, соревнование — это именно то, что ему было нужно. В отличие от Огнеяра, он знал Дальнюю Чашу как свои пять пальцев. Он знал, как добраться до Западного ручья за одну ночь.

Он встал, обошел стол и решительно протянул фее руку.

— Договорились, — сказал он, глядя ей прямо в глаза. — Завтра у дуба. Я принесу воду. И я не проиграю.

— Ух ты, аза-арт! — подхватился Огнеяр. — Вода — это святое! Я тоже не подведу, феечка! Принесу тебе этот мох, даже если придется свернуть шею паре горных козлов!

Он тоже протянул руку, но Милван был быстрее — он перехватил ладонь Искорки и легонько сжал ее.

— До завтра, Листопадная Искорка, — сказал он, пробуя ее имя на вкус.

Фея улыбнулась, и в ее глазах заплясали те самые озорные

огоньки, которые он заметил еще у дуба.

— До завтра, Милван, — ответила она. Ее голос прозвучал мягко и доверительно. — Я буду ждать.

Фея выпорхнула из домика лешего, оставляя за собой легкий аромат мха и свежей листвы. А в доме остались двое, которые смотрели друг на друга: один с хитрецей, другой с холодной решимостью.

— Что, Милван, — усмехнулся Огнеяр, похлопывая его по плечу. — Все еще зол на меня из-за той русалки?

— Я о ней уже и думать забыл, — отрезал Милван.

— Ага, — хмыкнул гость и направился к выходу. — Ну, увидимся завтра. Только, чур, без обид! На этот раз я собираюсь победить по-честному!

Леший скрылся в зарослях с таким же шумом, с каким и появился. Милван остался стоять посреди домика, глядя в чашку недопитого чая. На ее краю остался крошечный след от губ феи.

Он улыбнулся... Первый раз за сегодняшний день.

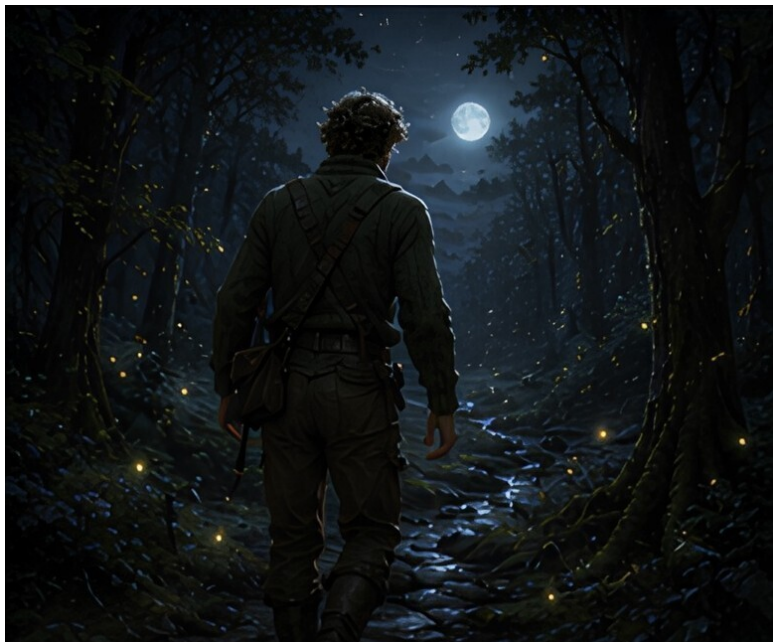
.....##.....

Лес затихал. Светлячки зажглись над тропинкой, по которой ушла Искорка. Милван вышел на крыльцо и глубоко вдохнул ночной воздух. Завтра будет новый день, и он намеревался начать его с победы. В этот раз он не будет ждать, он будет действовать.

Но глубоко внутри, там, где еще теплилась боль от потери Вересковой Росинки, он вдруг почувствовал странное об-

легчение. Он не ждал, что встретит кого-то еще. Но встреча с этой феей, с этим ее венком из листьев ивы и веточек березы, прозрачными крыльями, заставила его сердце биться быстрее.

Он посмотрел на луну, которая уже поднималась над кронами деревьев. Полная луна. Значит, вода в Западном ручье будет целебной. Он должен успеть ровно до рассвета.

Милван зашел в дом, достал походный мешок, проверил флягу и зашагал в ночь.

Дальняя Чаша провожала его шелестом листвы. Она будто шептала: «Дерзай, леший. Дерзай...»

3

Ночь в Дальней Чаше была темной, как дегтярная смола. Луна, хоть и полная, то и дело пряталась за облака, оставляя лешего почти в полной темноте. Милван шел по едва заметной тропе, стиснув зубы и проклиная все на свете: и Огнеяра с его седой бородой и наглостью, и собственную гордыню, и эту дурацкую водицу, которую нужно набрать под полной луной, и даже старый дуб, который придумал болеть именно в этот период.

«И зачем я согласился?», — думал он, пробираясь сквозь заросли дикого шиповника. — «Я же мог просто пригласить

ее на чай завтра утром! Без всяких соревнований! Просто: «Листопадная Искорка, не хотите ли прогуляться по моим угодьям и посмотреть, как я выращиваю гибридные желуди?» И все! А теперь я лезу в эту чащобу, рискую быть съеденным каким-нибудь ночным зверем, и все ради того, чтобы какой-то леший из Северных Угодий не утер мне нос!».

Он остановился перевести дух и прислушался. Лес вокруг гудел изобилием ночных звуков. Где-то ухал филин, в траве стрекотали кузнечики, а вдалеке, кажется, кто-то храпел — видимо, тот самый медведь, который подворовывал брагу у гномов. Милван вытер пот со лба и двинулся дальше.

Западный ручей — это вам не какой-нибудь ручеек в Цве-

тущем Лесу. Это было древнее, почти мифическое место, которое питало собой всю Дальнюю Чашу. Говорили, что вода в нем обладает удивительными свойствами, но только если набрать ее в полнолуние, в тот самый час, когда луна стоит в зените. Опоздаешь на минуту — вода станет обычной. Придешь раньше — будет просто холодной.

Милван знал это место как свои пять пальцев. Он не раз бывал здесь в молодости, когда учился у старого лешего, который знал все секреты Чащи. И сейчас, спустя сотни лет, он снова шел по этой тропе, чувствуя, как под ногами пружинит мох, а ветви деревьев касаются лица, будто проверяя, не забыл ли он почтения к лесу.

Леший шел почти два часа, когда впереди забрезжил знакомый силуэт. Западный ручей был не широким — перешаг-

нуть можно, если не боишься промочить ноги, — но его воды действительно светились в лунном свете мягким, голубоватым отблеском. Милван ускорил шаг, уже предвкушая победу. Вот сейчас он наберет воды, закроет флягу, и к утру будет у дуба. Огнеяр-то, наверное, сейчас храпит в своей берлоге, даже не думая про мох. «А я буду героем для Искорки», — довольно усмехнулся про себя леший. «Я принесу ей воду, и она посмотрит на меня... так, как смотрит Росинка на своего черта».

Внутри снова что-то кольнуло. Он поморщился и отогнал эту мысль. Хватит! Больше никаких сравнений. Теперь новая жизнь. Новая фея. И... новая надежда.

Он уже почти дошел до берега, когда случилось то, чего он меньше всего ожидал.

Из-за куста ивы, что росла прямо у воды, раздалось смачное «Бульк!», и на поверхность ручья всплыла чья-то лохматая голова. Это был бобр. Хотя нет. Не просто бобр, а бобр с очень недовольной мордой и огромными, блестящими в лунном свете зубами.

— Эй! — крикнул бобр, отфыркиваясь. — Ты куда прешь! Тут святое место! Полнолуние! Водосбор! Ты че, не знаешь основ?

Милван замер, как вкопанный.

— Я знаю, — сказал он осторожно. — Я как раз пришел набрать воды. Мне нужно...

— Что нужно? — бобр вылез на берег и отряхнулся, ока-

тив лешего с ног до головы холодными брызгами. — Водицу нужно? А кто так делает? Приходит ни свет ни заря, топчет наши места, пугает рыбу... Вот ты знаешь, кто я?

— Простите... я хотел спросить... — начал Милван, пытаясь вытереть воду с лица.

— Я Кузьма! — гордо объявил бобр, ударив себя в грудь плоской лапкой. — Хранитель Западного ручья! И я тут главный! Так ты чего тут шастаешь среди ночи? У нас тут, знаешь ли, традиция — воду набирать в полнолуние, но только после того, как проведен ритуал!

— Ритуал? — переспросил Милван. Он вдруг вспомнил, что старый леший, его учитель, когда-то упоминал об обряде, но он тогда не придавал этому значения. Милван вообще был не очень внимательным учеником, предпочитая практику теории.

— Ну да! — Кузьма нахмурился и сложил лапки на своем брюхе. — Ты че, не знаешь, что воду нужно просить? Поклон земной, три слова благодарности, и только потом тару свою к водице протягивать. А ты ворвался как сапог в весеннюю лужу! Ишь, целебной водицы ему захотелось!

Милван почувствовал, как его щеки начинают гореть. Поклон земной? Слова благодарности? Он никогда не был силен в церемониях. В его мире все было просто: пришел, сделал дело, ушел. Но спорить с бобром, тем более хранителем Западного ручья, было равносильно самоубийству. Бобры вообще были упрямыми и злопамятными. И если он сей-

час не умаслит Кузьму, тот перекроет ему воду до следующего полнолуния — в лучшем случае.

— Ладно, — вздохнул Милван. — Я готов. Только скажите, что нужно делать?

— Ну, для началаними обувь, — бобр указал на его ботинки, — и встань на колени прямо перед ручьем. Скажи ему что-нибудь приятное. Ну, красивое что-то. Про то, какой он чистый и прозрачный.

Милван покосился на свои ботинки. Они были хорошие, кожаные, подаренные ему еще Вересковой Росинкой на одно из прошлых солнцестояний. Снимать их на мокрой земле было последним делом. Но выбора не было. Он сел на землю, стащил ботинки и, стараясь не замечать холода и влаги под ступнями, опустился на колени перед ручьем.

— Дорогой ручей... — начал он, чувствуя себя совершенным идиотом. — Ты... ты очень красивый. И достаточно... прозрачный. И... полезный для больных дубов.

— Хорошо! — одобрительно кивнул бобр. — Еще! Скажи ему, что ты уважаешь его труд. Что он — кормилец всей Дальней Чащи!

— Ты... ты кормилец всей Чащи, ручей, — повторил Милван, стараясь, чтобы его голос не дрожал от стыда. — И без тебя бы... все засохли. Ты наше все!

Кузьма довольно хмыкнул. На поверхности ручья пробежала рябь, будто вода приняла комплимент лешего.

— А теперь набери воду, — скомандовал бобр. — Но только левой рукой! Правая у тебя, я вижу, как рабочий ин-

струмент — ею ты землю копаешь, корни трогаешь. Ей воду не бери, осквернишь еще ненароком.

Милван послушно переложил флягу в левую руку, зачерпнул воду, и она оказалась на удивление теплой, будто сам ручей согревал ее в ответ на произнесенные им слова.

— Молодец! — Кузьма явно был доволен. — А теперь — три капли на землю в знак благодарности.

Милван отлил три капли из фляги, и те упали на мох, зашипев, как будто вода была горячей.

— Все! — объявил бобр. — Теперь можешь идти. Но в следующий раз, если вздумаешь набирать воду, предупреждай меня заранее. А то я мог бы и не проснуться!

«Как я мог тебя предупредить, если ты спишь под водой?», — подумал Милван, но вслух сказал только:

— Конечно, Кузьма. Обязательно. Спасибо вам... за помощь.

Леший поднялся, отряхнул колени и снова натянул ботинки.

Фляга была полна. Вода внутри мягко светилась, как жидкий лунный свет.

Милван убрал ее в дорожный мешочек и двинулся обрат-

но, чувствуя, как каждый мускул в теле напряжен от унижения и навалившейся за долгий день усталости. Но внутри разливалось странное удовлетворение. Он сделал это — добыл воду. И он был на пути к победе.

Путь обратно был не легче. Луна уже начала клониться к горизонту, Милван двигался быстрее, чтобы успеть к рассвету. Он почти бежал, перепрыгивая через корни, огибая кусты и стараясь не думать о том, как будет выглядеть перед феей после ночи, проведенной в мокрых ботинках и с грязными коленями от влажной земли.

Леший дошел до поляны у старого дуба, когда небо только-только начинало сереть. Дуб стоял посреди поляны, величественный и грустный, с пожухшими листьями и треснувшей корой. Солнце еще не взошло, но воздух уже наполнил-

ся утренней свежестью. Милван прислонился к стволу, переводя дух, и с наслаждением вытер вспотевший лоб.

— Фу-у-ух... — выдохнул он. — Успел.

Он проверил флягу — вода светилась все так же, храня в себе лунный свет. Поэтому Милван чувствовал себя победителем.

— Ну что ж, — прошептал он, — ты сделал это. Теперь осталось только дожидаться Листопадную Искорку.

Он оперся на ствол дуба и закрыл глаза. В голове уже рисовалась картина: она прилетит, он протянет ей флягу, она

улыбнется, скажет: «Спасибо, вы настоящий герой»... и тогда он пригласит ее в отель «Под корнями». Там, за чашечкой чая и с парочкой печенья с клеверным медом, которое он, кстати, обязательно попросит у Росинки — просто как старый друг, без обид, — он расскажет ей о своих планах. О том, как он готов идти вперед, не оглядываясь на пережитое прошлое.

Где-то совсем рядом, в кустах, раздался треск. Милван вздрогнул и открыл глаза.

Из зарослей на поляну вывалился Огнеяр. Выглядел он... не лучше Милвана. Его седая борода была вся в паутине и листьях, рубашка кое-где разорвана, а на лбу красовалась свежая царапина. Но в руках он сжимал пучок мха — того самого, редкого, со скал Северных Урочищ. Мох был зеленый, влажный и явно живой.

— Ну что, — прохрипел Огнеяр, падая на землю рядом с дубом, — я... я принес... мох. Этот... чертов мох... Он рос на такой высоте... — леший тяжело вздохнул. — Пришлось лезть... Чуть не свалился... Но я принес!

Он с гордостью выложил мох на корни дуба и посмотрел на Милвана с вызовом.

— А ты? — спросил он. — Где твоя целебная водица? Или ты все проспал?

Милван натянуто улыбнулся и, с достоинством, как победитель в схватке с драконом, извлек из мешка флягу. Вода в ней светила мягко, почти торжественно.

— Вода, — сказал он, поднимая флягу над головой. — Из Западного ручья, собранная при полной луне и с соблюдением ритуала, — Огнеяр присвистнул.

— Ну, ты даешь! — сказал он. — Я, грешным делом, думал, ты не справишься. Говорят, там бобр-хранитель — тот еще фрукт.

— Я нашел с ним общий язык, — скромно ответил Милван, решив не вдаваться в подробности того, как его отчитал тот самый бобр.

Они сидели у дуба, два леших: уставшие, грязные, но довольные собой. Рассвет разгорался над Дальней Чашей, окрашивая небо в розовые и золотые тона. Светлячки угасали, уступая место дневным бабочкам. Где-то вдалеке запела птица.

И тогда на поляну вышла она...

Листопадная Искорка появилась из-за утренней дымки, будто сотканная из света и росы. На ней было зеленое коротенькое платье, но венок сегодня был из дубовых листьев, и его украшала пара ярко-красных ягод — будто фея специально принарядилась для этого соревнования. Крылышки ее переливались, ловя утренние лучи солнца, а улыбка — та самая, открытая и теплая — заставила сердца обоих леших биться быстрее.

— Доброе утро, — сказала она, подходя ближе к дубу. — Я вижу, вы оба справились. Я так и знала! — она посмотрела на мох, потом на флягу с водой. — Ух ты! Настоящий северный мох! И целебная вода! Вы оба — чудо! — она хлопнула в ладоши, а на ее лице появилось выражение почти детской радости. — Но кто победил? — спросила она, переводя взгляд с Огнеяра на Милвана.

Лешие переглянулись между собой. Милван видел вызов в глазах Огнеяра, но в этот раз он чувствовал себя увереннее. Он поднялся, шагнул вперед, протягивая флягу Искорке.

— Я принес воду, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я сделал это ночью, чтобы успеть к рассвету. И я... — он запнулся, вспомнив оплошность, произошедшую с другой феей, — я хотел бы пригласить тебя в одно место. Не сейчас, а... когда ты закончишь с дубом, — Искорка удивленно вскинула брови.

— Место? Куда?

Милван сглотнул. Сердце колотилось где-то в горле, и он чувствовал себя как юный леший, который впервые осмелился заговорить с прекрасной феей.

— В отель «Под корнями», — сказал он. — Там, в Цветущем Лесу. Я знаю его хозяйку, она печет печенье с клеверным медом. Это... это отличное место. Там хорошо и уютно. Я бы хотел показать тебе его, когда... когда ты будешь свободна.

Милван произнес это и затаил дыхание. Огнеяр рядом скрипнул зубами, но ничего не сказал.

Искорка посмотрела на лешего, на флягу в его руке, потом на мох, который лежал у корней дуба. Она мягко, задумчиво улыбнулась, и в ее глазах заплясали те самые озорные огоньки.

— Отель «Под корнями», — повторила она. — Я слышала о нем. Говорят, там вечно случается что-то интересное. А хозяйка — та, которая... — она запнулась, припоминая, — которая, говорят, вышла замуж за черта?

— Это неправда, — поспешно сказал Милван. — Пока не вышла. Но они... да, они вместе. И она очень гостеприимная.

— Вот как, — хмыкнула Искорка и снова посмотрела на него. — Что ж, предложение интересное. Я подумаю. Но сначала — дуб. И, — она взяла из его рук флягу, — я, пожалуй, приму твою воду. Она ведь и правда целебная.

Фея открыла флягу и, не спрашивая разрешения, вылила немного воды на корни дуба. Вода зашипела, впиталась в

землю, и почти сразу же у основания дуба показался тонкий зеленый росток.

— Вот так, — сказала она довольно. — Работает.
Милван выдохнул с облегчением — он не проиграл. А Ог-
неяр, глядя на это, вдруг хлопнул себя по колену и захохотал.

— Ну, Милван, — сказал он, качая головой, — ты меня уделал. Не водой, так приглашением. Отель, значит, «Под корнями»... А ты, оказывается, не дурак! Ладно, феечка, — он обернулся к Листопадной Искорке, — ты, если что, всегда знай, где меня найти. А пока я... пойду свои Угодья в порядок приведу, да дупла все-таки пересчитаю.

И он, кряхтя, поднялся, поклонился фее и пошел прочь, оставляя Милвана наедине с его победой.

— Ну что, — сказал Милван, поворачиваясь к Искорке, — я помогу тебе с дубом? У меня есть еще немного времени до того, как я должен отнести отчет в Лесной Совет.

Фея улыбнулась, и в ее глазах он прочитал: «Да». Она согласна. Пока просто на помощь с дубом. Но это уже какое-никакое начало.

«Отлично», — подумал Милван. — «Теперь главное — не облажаться. И не дать Огнеяру снова появиться не вовремя».

Лес вокруг них зашелестел, будто одобряя его план действий.

.....##.....

Солнце уже поднялось над Чащей, заливая поляну теплым светом. Милван, несмотря на ночную усталость, чувствовал себя почти счастливым. Фея, стоящая у дуба и колдующая над его корнями, иногда поглядывала на него с любопытством.

— У вас тут красиво, — сказала она. — И не так страшно, как говорят. Я, если честно, думала, что в Дальней Чаше

водятся только страшные звери и мрачные лешие.

— Один из них определенно мрачный, — улыбнулся Милван, — но я обещаю скоро исправиться, — фея звонко рассмеялась.

4

Дуб, как оказалось, был не просто больным — он был глубоко обижен.

Искорка, вооружившись флягой с целебной водой и мхом, принесенным Огнеяром, устроила настоящую операцию по спасению. Милван помогал ей как мог: подавал инструменты, придерживал ветки и старался не слишком паяльаться на то, как ее крылышки трепещут на солнце, когда она прикладывает ладони к коре и шепчет что-то на древнем языке деревьев.

— Знаешь, в чем его проблема? — спросила фея, выпрямляясь и отряхивая руки. — Он обижен. Причем серьезно. На ве-е-есь мир. Говорит, что его забыли, что к нему никто не приходит, что молодые дубы растут быстрее, а его корни уже

старые, некоторые сухие, и никому не нужны.

— Деревья умеют обижаться? — притворно удивился Милван, хотя сам прекрасно знал, что умеют.

— Еще как! — фыркнула Искорка. — Особенно старые. Они, знаешь, как старики: им нужно внимание, забота, и чтобы их ценили. А этот, — она похлопала дуб по стволу, — этот вообще считает, что его бросили. Кто-то когда-то пообещал приходить к нему и так и не вернулся. И теперь он засох в знак протеста.

Милван задумался. Ему показалось, что он слышит в этой истории что-то знакомое. Слишком знакомое. Но он отогнал эту мысль и сосредоточился на фее, стоящей около дуба.

— И что ему нужно? — спросил он.

— Ему нужно, чтобы кто-то пообещал приходить и сдержал свое слово. Регулярно. Хотя бы... раз в месяц. Поливать, разговаривать, гладить по коре. И тогда он оживет.

Листопадная Искорка взяла в руки мох, принесенный Ог-неяром, и начала аккуратно укладывать его в трещины на коре. Мох, казалось, тут же ожил, прирастая к дереву и закрывая раны, как живые зеленые пластыри.

— Смотри, — сказала она, — выглядит уже лучше! Еще пару таких процедур, и он зазеленеет как новенький.

Милван молчал, глядя на фею. Как она ловко управлялась с растением, как нежно касалась коры, как разговаривала с дубом на равных — все это завораживало. В ней не было той суетливости, что была у Вересковой Росинки, но была другая магия — спокойная, уверенная, основательная. Подходящая этому старому лесу.

— Знаешь, — сказал леший наконец, — мне кажется, ты права. Деревья — они как люди. Им нужно внимание, и чтобы их слушали.

— А ты умеешь слушать? — неожиданно спросила Искорка, поднимая на него глаза. — Ну, деревья? Или только говорить?

Милван на мгновение задумался.

— Я умею молчать, — сказал он. — А это иногда дороже слов. Особенно когда рядом есть тот, кому нужно выговориться.

Листопадная Искорка прищурилась, будто что-то взвешивая в уме.

— Хороший ответ, — сказала она. В ее голосе послышалась легкая усмешка. — Я запомню.

Они закончили с дубом, когда солнце уже поднялось высоко.

Дуб выглядел лучше: его листья чуть приподнялись, кора стала менее сухой, и даже трещины начали затягиваться. Милван с удовлетворением отметил, что работа сделана хорошо. Теперь Искорка может отдохнуть. И может быть, он сможет повторить свое приглашение.

Он уже открыл рот, чтобы сказать что-то вроде: «Не хочешь ли отдохнуть у меня?» или «Я знаю одну поляну, где земляника поспевает...», когда Искорка вдруг хлопнула себя по лбу.

— Ой! Я же совсем забыла! — воскликнула она. — Ог-неяр! Он же принес этот мох! Это было так сложно, он рассказывал, что лез на сами скалы, чуть не сорвался... А я ему даже спасибо толком не сказала! И он ушел такой расстроенный...

Фея посмотрела на Милвана. В ее глазах читалась мольба. И леший понял, куда она клонит, еще до того, как она про-

изнесла следующие слова.

— Ты не против, если мы... ну, сходим к нему? Я хочу его отблагодарить. Может быть, помогу с теми тремя больными дубами, о которых он говорил? Это ведь правильно, правда? Помогать тем, кто помог тебе?

Милван внутренне застонал. Еще вчера он был готов прибить Огнеяра за то, что тот влез в его «частное» чаепитие. А уже сегодня он должен был идти к нему в гости. В его угодыя. Где этот северный леший будет крутиться вокруг Искорки и сверкать своей седой бородой и белоснежной улыбкой.

— Это... правильно, — выдавил он из себя, стараясь, чтобы голос звучал искренне. — Конечно, надо помочь. Я тоже могу пойти. У меня есть опыт в работе с больными дубами. И я знаю, как обращаться с разными видами мха.

«И я не оставлю тебя с ним наедине. Ни за что!», — добавил он про себя. Искорка просияла.

— Правда? Ты согласен? Это было бы замечательно! Я думала, ты будешь против. Вы же вчера так... ну, не очень дружелюбно общались.

— Мы старые знакомые, — сухо сказал Милван. — У нас сложные отношения.

— Сложные, значит, — улыбнулась фея, и в ее улыбке мелькнула та самая лукавинка, которая ему так нравилась. — Значит, нам есть о чем поговорить по дороге. Расска-

жешь, что там у вас за сложности?

Леший вздохнул. Он понял, что попал. Но, с другой стороны, это был отличный шанс провести с ней еще один день. И, возможно, заодно показать Огнеяру, кто здесь главный соперник.

— Расскажу, — согласился он, — но сначала — дай мне собраться. И предупредить Лесной Совет, что я ухожу в Северные Урочища на пару дней.

— На пару дней? — переспросила Искорка. В ее глазах тут же загорелся интерес. — Думаешь, это так серьезно?

— Огнеяр говорил о трех больных дубах. За один день мы не управимся. А если там еще и клен, который не плодоносит... это может занять дня три, не меньше. К тому же он просил помощи с подсчетом дупла, некрасиво будет отказать ему, раз мы будем там.

— Три дня, — повторила фея задумчиво. — Ну что ж, я не против. Я вообще люблю путешествовать. Главное — чтобы было где переночевать.

— У Огнеяра есть домик, — сказал он нейтрально. — Я уверен, он найдет нам место. А если нет — мы всегда можем разбить лагерь. Я знаю хорошие поляны.

— Ты много чего знаешь, — заметила Искра, складывая инструменты в свою сумочку.

— Я леший, — улыбнулся Милван. — Это моя работа.

.....##.....

Путь в Северные Урочища занял полдня. Они шли по тро-

пам, которые знал только Милван — через овраги, мимо старых пней и вдоль ручьев. Искорка шла легко, почти не касаясь земли: ее крылышки то и дело приподнимали ее над землей, и она порхала с кочки на кочку, разглядывая лес с любопытством юного исследователя.

— А у тебя тут грибы! — воскликнула она, указывая на

целую поляну подосиновиков. — Их же можно собирать?

— Это священная поляна, — сказал Милван. — Их не трогают. Они растут для белок, зайцев и мышей. Местный урожай.

— Ах, вот оно что, — понимающе кивнула она. — У нас в Цветущем Лесу тоже есть такие места. Там растут сон-цветы. Знаешь, они зевают по утрам? Это звучит так смешно! Они такие «ааах-пффф».

Милван улыбнулся. Сон-цветы он знал. Росинка тоже любила их. И ему вдруг показалось, что мир не так уж велик и в нем есть место для повторяющихся чудес.

— Мы почти пришли, — сказал он через час, когда впереди показались знакомые очертания урочища. — Видишь те скалы? Это уже Северные Урочища. Домик Огнеяра за ними, прямо у озера.

— У него есть озеро? — удивилась Искорка.

— Небольшое, — он кивнул, — с рыбой. И он очень гордится этим.

— Звучит мило, — улыбнулась фея.

Они подошли к скалам, и Милван вдруг остановился. За ними, на берегу озера, стоял домик Огнеяра. Но выглядел он странно: из трубы валил густой дым, а вокруг бегали какие-то маленькие фигурки.

— Что там происходит? — нахмурился он.

Они ускорили шаг, а когда вышли на берег, картина стала ясна.

Огнеяр стоял посреди своего двора, размахивая руками, а вокруг него сустились... белки! Огромные, размером с кошку, белки. Они таскали из его дома какие-то вещи, прыгали по крыше.

А одна из них, самая наглая, сидела на его голове и что-то сжимала в лапках.

— Это еще что такое? — спросила Листопадная Искорка, не веря своим глазам.

Огнеяр, заметив гостей, заорал так, что птицы с ближайшего дерева сорвались и улетели прочь.

— Милван! Феечка! Помогите! Это наглое зверье!.. Они захватили мой дом! Они говорят, что я должен им заплатить

дань за то, что пользуюсь их орехами! Какая дань?! Я лесной
леший! Я тут хозяин!

Одна из белок, та, что сидела на его голове, спрыгнула на землю и, встав на задние лапки, оглядела гостей с важным видом. На ней был маленький венок из листьев, и она явно была их главарем.

— Чего тебе, пушистая? — рявкнул на нее Огнеяр.

Белка пискнула и указала лапкой на дуб, который рос у самого озера. Дуб был старый, полусухой, и на его ветвях висело несколько гнезд. Вокруг них бегали другие белки.

— А-а-а, — протянул Милван, начиная догадываться. —

Они переселились на твой дуб?

— Да! — завопил Огнеяр. — Они заняли все ветки! И теперь хотят, чтобы я отдал им половину моего урожая орехов! А иначе — не уйдут!

Искорка, глядя на эту картину, вдруг засмеялась. Смех ее звенел над озером, такой чистый и веселый.

— Ой, — сказала она, вытирая слезы, — я не могу! Это же целая беличья мафия! Они тебя взяли в осаду!

— И ты еще смеешься?! — обиделся Огнеяр. — Они у меня в доме все перерыли! Мою коллекцию шишек растащили! И теперь, — он указал на свое жилище, — я даже чай не могу заварить! Печка забита орехами!

Милван, глядя на друга-конкурента в такой комичной ситуации, почувствовал, что злость на него отступает. Огнеяр выглядел жалко и смешно. И в этом был шанс проявить себя перед феей.

— Давай я поговорю с ними? — сказал он, выступая вперед. — Я понимаю язык зверей.

Милван подошел к главной белке, присел на корточки и заговорил с ней на том странном, певучем языке, которым лешие общаются с лесными жителями.

Белка настороженно выслушала его, потом пискнула что-то в ответ. Милван кивнул и повернулся к Огнеяру.

— Они говорят, что этот дуб — единственное место в

округе, где есть достаточно дупла для их большой семьи. Они согласны уйти, если ты починишь старый дуб на северном склоне и сделаешь там новые дупла для них.

— Починить дуб? — Огнеяр выпучил глаза. — Там же один сухостой! Я не умею лечить деревья! Я могу рубить и строить! Я лесий-строитель!

Фея, наблюдавшая за их переговорами, шагнула вперед и положила руку на плечо Огнеяра.

— Ну, ты же знаешь, кто я, — улыбнулась она. — Я могу помочь. Пойдем, покажешь мне этот дуб. А ты, — она обернулась к Милвану, — ты пока займись белками. Успокой их. Мы скоро вернемся.

Милван кивнул, а его сердце забилося быстрее. Она просила его о помощи. И это было... правильно и так... волнующе приятно.

Он остался с белками, пытаясь договориться о временном перемирии, а Искорка и Огнеяр ушли к северному склону. Он смотрел им вслед, и в груди росло что-то странное — смесь ревности и гордости. Ревности — потому что она ушла с Огнеяром. Гордости — потому что она доверила ему важное дело.

«Ну что ж», — подумал он, поворачиваясь к белкам. — «Давайте решать вашу проблему. А потом... потом я приглашу ее в отель и сделаю это так, чтобы она точно не отказалась».

Белки, казалось, прочли его мысли и одобрительно запи-

щали.

5

Дуб на северном склоне оказался не просто сухим — он был почти мертвым. Листопадная Искорка, осмотрев его, покачала головой и присвистнула.

— Ну, Огнеяр, ты даешь. Этот дуб не просто сухой, он почти превратился в труху. Ты что, вообще его не поливал?

— А почему это я должен был его поливать? — возмутился леший, разводя руками. — Я леший-строитель! Моя задача — строить! Я могу дом поставить, мост через ручей перекинуть, но вот с деревьями... — он смущенно почесал затылок. — Ну, не мое это. Понимаешь? Я больше по бревнам. — По бревнам, значит, — усмехнулась фея и начала

осматривать корни. — Да-а, тут работы на целый день. Может, и на два. Но если ты хочешь, чтобы твои белки убрались из твоего дома, придется поработать.

Огнеяр вздохнул и посмотрел на свои руки. Грубые, мозолистые, привыкшие к топору, а не к нежному обращению с корнями. Он чувствовал себя неловко.

— Ладно, — сказал он, — я помогу. Что там нужно де-

лать?

— Для начала — принеси воды. Много. И глины. А еще свежего мха. Я пока обработаю корни специальным составом.

Так они начали работать вместе, и Милван, который все еще вел переговоры с белками у озера, то и дело поглядывал в их сторону. Он видел, как Искорка объясняет Огнеяру, как правильно укладывать мох на корни, как тот слушает ее с почтительным вниманием, и как иногда их руки соприкаса-

ются, когда она передает ему инструменты. В груди у него закипала ревность, но он заставлял себя сосредоточиться на белках перед собой.

Белки, кстати, оказались на редкость разумными существами. Их главарь, та самая с важным венком, представилась как Пушистая Рыжая Лапка.

— Мы не против уйти, — пискнула она, — но нам нужно жилье. В этом дубе было восемь дупел. Восемь! А нам нужно как минимум двенадцать, потому что у нас пополнение в семействе.

— Пополнение? — переспросил Милван, оглядываясь на стайку белок, которые резвились на ветвях. Среди них он заметил несколько совсем маленьких, почти крошечных бельчат.

— Да! — гордо подтвердила Лапка. — Трое новых! Так что нам нужно расширяться. Если леший сделает нам новый дом на северном дубе, мы уйдем мирно. Но если нет... — она многозначительно постучала лапкой по земле, — то мы останемся здесь и будем требовать с него ореховую дань.

Милван вздохнул. Похоже, Огнеяру придется не только чинить дуб, но и делать новые дупла. А это означало, что ра-

бота затянется еще на день-два. И это, в свою очередь, означало, что придется все-таки где-то заночевать.

Он вернулся к домику лешего, когда солнце уже клонилось к закату. Искорка и Огнеяр сидели на крыльце, уставшие, перепачканные глиной и мхом, но довольные. Дуб на северном склоне уже выглядел лучше: кора блестела от влаги, а у корней появились новые зеленые побеги.

— Он оживет, — сказала фея, улыбаясь. — Еще пару дней ухода, и он даст новые ветви. И тогда можно заселять белок.

— А дупла? — спросил Милван, подходя. — Им нужно двенадцать дупел. А в этом дубе, как я понял, только восемь.

Огнеяр, услышав это, схватился за голову.

— Двенадцать дупел?! Я же не дятел! Я не могу просто так сделать дупла в сухом дереве! Это же надо вырезать, шлифовать, укреплять! Это работа на неделю!

— На неделю? — переспросила Искорка. — А я думала, мы управимся за пару дней...

— Если бы я был Милваном, — буркнул Огнеяр, косясь на соперника, — то, может, и управились бы. Он вон умеет с деревьями обращаться. А я... я больше по строительству.

В его голосе слышалась зависть. Милван, который стоял поодаль, услышал это и почувствовал, как его настроение немного улучшилось. Леший из Северных Урочищ признал его превосходство! Правда, в довольно раздраженной форме, но все же.

— Я могу помочь, — сказал он в итоге. — У меня есть

опыт в создании дупел. Я делал их для сов и для белок в Дальней Чаще. Это не сложно, если знать, как правильно расположить вход.

— Правда? — Огнеяр подозрительно посмотрел на него. — Ты поможешь? Даже после того, как я... ну, влез в вашу частную посиделку?

— Мы же лешие, — пожал плечами Милван. — Мы должны помогать друг другу. К тому же, — он посмотрел на фею, которая с улыбкой наблюдала за ними, — мне нужно, чтобы белки убрались из твоего дома. Потому что нам всем нужно где-то спать, — леший из Северных Урочищ хлопнул себя по лбу.

— Точно! Спать! Я и забыл, что вы у меня гостите! А у меня в доме сейчас бардак! Белки там все перерыли, орехи раскидали, печка забита ими же под завязку, — он заглянул в окно и поморщился. — Хотя... Нет, там невозможно ночевать.

— Тогда мы можем разбить лагерь, — предложила Искорка. — На улице тепло по-летнему. Я не против.

— Я тоже не против, — быстро сказал Милван. — Я видел хорошую поляну недалеко от озера. Там мягкий мох и много светлячков.

Огнеяр, услышав это, закричал и забеспокоился.

— Э-э-э, нет! Я не позволю гостям спать на улице! Это же позор для лешего! У меня есть дом! Он, конечно, немного в беспорядке, но я могу его привести в более-менее сносный

вид за час! — он решительно закатал рукава. — Я сейчас все уберу, натаскаю дров, и мы отлично разместимся... Ик!

— Но там же белки, — напомнил Милван.

— Белки уйдут, когда я им скажу! — рявкнул Огнеяр, но тут же осекся, потому что на крыше дома появилась Пушистая Рыжая Лапка, которая смотрела на него с явным неодобрением.

— Белки никуда не уйдут, пока у них не будет нового жилья, — сказала фея, с трудом сдерживая улыбку. Огнеяр вздохнул. Его плечи поникли.

— Значит, ночуем на поляне, — признал он. — Но это ненадолго! Я завтра же начну делать дупла!

— Мы поможем, — сказала Искорка, ободряюще похлопав его по плечу. — Вместе мы справимся быстрее. Правда, Милван?

— Правда, — кивнул он, стараясь скрыть раздражение от того, что она так легко касается плеча Огнеяра. — У меня с собой есть нужный инструмент, мы быстро управимся.

— А пока, — Листопадная Искорка хлопнула в ладоши, — я предлагаю устроить ужин у костра. У меня есть припасы: хлеб, сыр и немного сушеных ягод. Если, конечно, кто-то, — она посмотрела на Огнеяра, потом перевела взгляд на Лапку, — не против поделиться орехами, — Огнеяр воодушевленно кивнул.

— Орехи есть! И даже мед! Я запасся на зиму, но для таких гостей я готов расщедриться уже сейчас!

Они развели костер прямо на берегу озера. Огнеяр притащил охапку сухих веток, Милван нашел подходящее место, где можно было сидеть, не рискуя наступить в лужу, а Искорка разложила на траве свою скатерть — такую же вышитую, как у Вересковой Росинки, но с узором из дубовых листьев.

Костер горел ярко, выбрасывая искры в темное небо. Вода в озере отражала пламя и звезды, а из леса доносился запах хвой и ночных трав. Белки, устроившись на крыше домика лешего, с любопытством поглядывали вниз, но не вмешивались.

— Ну что, за знакомство? — предложила фея, поднимая кружку с настоем.

— За знакомство! — поддержал Огнеяр.

— За знакомство, — повторил Милван, и их кружки звякнули.

Они пили, разговаривали, смеялись. Огнеяр оказался отличным рассказчиком: он травил байки о своих приключениях в Северных Урочищах, о том, как однажды упал с обрыва и чудом выжил, и о том, как спас маленького медвежонка от браконьеров. Искорка слушала его с неподдельным интересом, задавала вопросы, смеялась над его шутками.

Милван сидел рядом, чувствуя, как внутри разгорается знакомое пламя ревности. Но он помнил урок: надо действовать. Не ждать, пока она заметит. А действовать. И желательно прямо сейчас!

— Искорка, — сказал он, когда Огнеяр отвлекся на то, чтобы подбросить в костер еще веток, — я тут подумал... Нам действительно нужно будет переночевать на свежем воздухе, и я... думаю, будет лучше поставить шатер для... тебя. Я могу его соорудить. Там будет мягко и сухо.

— Шатер? — удивилась фея. — Ты умеешь строить шатры?

— Я ведь леший, — с осязаемой гордостью произнес это

Милван. — Мы мастера на все руки. Особенно когда есть хороший повод, — он многозначительно посмотрел на нее.

Искорка смутилась и потупила взгляд. Или ему просто показалось?

— Спасибо, Милван, — сказала она тихо. — Это очень заботливо с твоей стороны.

В этот момент Огнеяр вернулся к костру, и его взгляд упал на них. Он нахмурился, явно что-то заподозрив.

— О чем это вы тут шепчетесь? — спросил он подозрительно.

— О ночлеге, — ответил Милван спокойно. — Я предложил поставить шатер для Искорки.

— Шатер? — фыркнул Огнеяр. — Я же говорю, я уберу дом! Крыша-то у меня есть, — он снова посмотрел на свое жилище, откуда доносилось возмущенное цоканье белок. — Ну, наверно...

— Огнеяр, не стоит, — мягко сказала Искорка. — Мы посидим у костра, а когда стемнеет, я устроюсь в шатре. Это будет даже романтичнее, чем в доме. Звезды, озеро, светлячки...

Огнеяр покраснел, услышав слово «романтичнее», и, кажется, начал что-то замышлять.

— Ладно, — сказал он, — но я буду спать рядом с шатром на страже порядка и твоего спокойствия. Чтобы никто не забрел.

— Ты будешь храпеть, — фыркнул Милван.

— Я не храплю! — возмутился Огнеяр.

— Храпишь так, что в Северных Урочищах медведи просыпаются!

— Ты не спал со мной рядом, чтобы знать это! — парировал Огнеяр.

— Зато я встречал свидетелей, которые любезно пожаловались на тебя!

— Это были не я! Это был ветер!

Они спорили все громче, и фея, глядя на них, покатывалась со смеху.

— Ой, мальчики, — сказала она, вытирая слезы, — вы невыносимы! Но мне с вами весело. Честное слово.

Она встала и потянулась, ее крылышки дрогнули в свете костра.

— Ладно, — сказала она, — я прогуляюсь до озера. А вы пока решите, кто из вас будет дежурить ночью. Только без драк, хорошо?

Листопадная Искорка упорхнула в темноту, оставляя двух леших у костра. Они смотрели друг на друга, и в их взглядах боролись соперничество и усталость.

— Ну что, Милван, — начал Огнеяр, понижая голос, — как поделим территорию? Ты на крыше, я у костра, а фея — в шатре?

— Я тоже могу у костра, — возразил Милван.

— Ты у костра, я на крыше, или наоборот, — задумался Огнеяр.

— А если мы оба будем у костра? — предложил Милван.

— И будем следить, чтобы никто не подошел к шатру.

Они переглянулись. Идея была разумной. И, возможно, даже объединяла их против общей угрозы — какого-нибудь ночного зверя или, что еще хуже, случайного гостя.

— Договорились, — сказал Огнечар, протягивая руку. — Но ты не подходишь к шатру, пока я не проснусь.

— Договорились, — ответил Милван, пожимая его руку. — Но если соберешься храпеть — уйдешь на крышу.

Они рассмеялись. В этот момент, где-то в темноте, послышался голос Искорки:

— Я нашла идеальное место для шатра! Тут мох, как перина! Идите смотреть!

Лешие переглянулись, вскочили и побежали за ней.

.....##.....

Лес затихал. Костер догорал, оставляя после себя только угли и тепло. Ночь обещала быть теплой и звездной. А впереди был новый день — день, когда они будут делать дупла и решать, кто же в итоге завоюет сердце этой удивительной феи-лекаря.

Но одно Милван знал точно: он не сдастся.

.....##.....

А в Цветущем Лесу, в домике номер один под плакучей ивой, Афанасий вдруг почувствовал сильное беспокойство. Он спустился по паутине к столу, где лежал старый календарь, и перелистал его.

— Хм, — сказал он сам себе, — близится солнцестояние. Обычно это к неожиданным гостям. Интересно, кого к нам занесет на этот раз?

Паук хитро прищурился и начал плести новую паутину. Сегодня у нее был узор в виде дубовых веточек.

Ночь опустилась на Северные Урочища мягко, как бархатное одеяло. В спокойном озере отражались звезды, дробясь на тысячи серебряных осколков. Светлячки, которых здесь было не меньше, чем в Цветущем Лесу, выписывали над водой замысловатые узоры, то сбиваясь в стайки, то разлетаясь поодиночке, будто танцевали свой собственный, только им понятный ночной танец.

Шатер, который Милван соорудил из веток, мха и найденного в домике Огнеяра старого полотна, стоял на небольшом возвышении у самой воды.

Искорка уже забралась внутрь, оставив леших у костра,

и теперь оттуда доносилось тихое пение — она напевала какую-то мелодию, похожую на колыбельную ветра.

Милван и Огнеяр сидели у догорающего костра, молчали и смотрели на огонь. Оба были уставшими после долгого дня, но спать не хотелось. Слишком много мыслей роилось в их головах.

— Не спится? — спросил Огнеяр, нарушая тишину.

— Не спится, — признался Милван. — В лесу я привык засыпать под шум деревьев. А тут озеро... оно слишком тихое.

— Ага, — хмыкнул Огнеяр. — У меня тоже что-то подобное. Я привык к шуму водопада, он тут, неподалеку от моего домика. А озеро — оно усыпляет, конечно, но не шумит.

Они вновь помолчали.

— Знаешь, — начал Огнеяр, глядя в костер, — я ведь не специально влез в твое чаепитие. Я правда шел по делу. Про эти дупла сказать. А когда увидел тебя с ней... — он пожал плечами, — как-то само вышло.

— Само, — хмыкнул Милван. — Ты же знаешь, как я к этому отношусь. После истории с той русалкой.

— Ах, все-таки дело в русалке! — Огнеяр стукнул рукой по собственному бедру. — Да это же было триста лет назад! Или четыреста? Я уже и забыл! Она же ушла к водяному, мы оба проиграли. Так что не держи зла, Милван.

— Я не держу, — сказал он, хотя в голосе все еще слышалась горечь. — Просто... я тогда решил, что больше не буду лезть вперед. Буду ждать, что все само собой получится.

— И как? — спросил Огнеяр. В его голосе не было смешки, только голое любопытство. — Получилось?

Милван промолчал. Огнеяр понял все без слов.

— Я-ясно, — кивнул он. — Но смотри, — он повернулся к Милвану, и его глаза блеснули в свете углей, — вот она, феечка. Она другая. Я вижу. Она не ждет, когда кто-то придет и что-то скажет ей. Она сама идет вперед. И если ты будешь ждать у моря погоды, то...

— Не буду, — перебил лешего Милван. — В этот раз я не жду. Я действую, — Огнеяр усмехнулся.

— Это я уже заметил. Но, между нами, — он понизил голос, — если ты не будешь действовать достаточно быстро, я могу ее перехватить.

Милван посмотрел на Огнеяра. Взгляд у него был жесткий, но не злой.

— Попробуй, — просто сказал он.

Они снова притихли, но в этой тишине уже не было прежней враждебности. Было что-то вроде уважения. Два леших, два соперника, которые понимали, что оба достойны выбора Листопадной Искорки.

Из шатра донесся тихий голос феи:

— Эй, мальчики, вы еще не спите?

— Не спим, — отозвался Милван. — Ты как? Тепло?

— Тепло, — ответила она. — Мох — просто чудо. Как перина. Я лежу и смотрю на звезды через щель между ветками. Здесь так красиво... Почти как в Цветущем Лесу, но все равно по-другому. Северное небо — оно какое-то... более глубокое.

— У нас тут свои звезды, — сказал Огнечар. — Полярная звезда вон там, — он указал вверх. — Если на нее смотреть, дорога домой обязательно найдется. Я всегда на нее ориентируюсь, когда в Чашу ухожу.

— А ты, Милван? — спросила Искорка из шатра. — Ты тоже по звездам ориентируешься?

— Я больше по деревьям, — ответил он. — Мох на северной стороне, ветви — по солнцу, корни — по воде. Но звезды тоже умею читать. Леший обязан...

— Ты вообще многое умеешь, — заметила фея задумчиво. — И деревья лечить, и дупла делать, и шатры ставить, и чай заваривать. А еще ты умеешь слушать.

Милван почувствовал, как тепло разливается в груди.

— Это не сложно, — сказал он.

— Не сложно, — повторила Искорка, и в ее голосе послышалась улыбка. — А вот я, когда слушаю, часто отвлекаюсь. У меня, знаешь, мысли скачут, как те белки по крыше Огнечара. То про корни думаю, то про листья, то про то, какая погода будет завтра. А ты — умеешь сидеть и просто слушать.

— Это потому что я леший, — ответил Милван. — Мы привыкли к тишине, — Огнечар хмыкнул.

— Ну, я тоже леший, а сидеть на месте не умею. Мне надо что-то делать: рубить, строить, бегать. А ты, Милван, — он хлопнул соседа по плечу, — ты другой. Ты — основательный как тот самый старый дуб.

Милван улыбнулся, но промолчал.

Светлячки начали сбиваться в большие группы над озером, и их свет отражался в воде, создавая иллюзию второго неба. Искорка вылезла из шатра и села у костра, завернувшись в плед, который предусмотрительно захватила с собой.

— Не могу уснуть, — призналась она. — Тут слишком красиво. Хочу смотреть на это еще и еще.

Она подбросила в костер сухую ветку, и пламя взметнулось, осветив ее лицо. Венок из дубовых листьев немного съехал набок, но она не поправляла его. Полупрозрачные крылышки ее мерцали в темноте, переливаясь мягким серебряным светом.

— Скажи, Милван, — спросила она вдруг, — а ты скучаешь по Цветущему Лесу? Ты ведь оттуда ушел, да? Я слышала, ты часто там бывал.

Милван помолчал. Ответ был непростым. Он ушел оттуда с болью, но сейчас, глядя на озеро и светлячков, он понял, что эта боль уже не такая острая. Она притупилась. И, возможно, он был готов говорить об этом.

— Скучаю, — признался он, вздохнув. — Но не по самому лесу, а по людям — по тем, кого там оставил.

— По кому-то конкретно? — спросила фея. В ее голосе послышалось искреннее любопытство.

— Да по феечке одной, — влез неожиданно Огнечар. — Вересковая Росинка. Они дружили много лет. Но в итоге она выбрала другого.

Милван бросил на Огнечара предупреждающий взгляд, но тот невинно пожал плечами.

— А что! Что скрывать-то?

Листопадная Искорка посмотрела на Милвана с сочувствием.

— Это... это должно быть больно, — тихо сказала она. — Когда друг уходит к кому-то другому.

— Было больно, — согласился Милван, — но я справился. И теперь, — он посмотрел на нее, и в его взгляде было что-то такое, что заставило сердце Искорки биться чуть быстрее, — я начинаю думать, что все что случилось, было к лучшему.

— Все к лучшему, — повторил Огнеяр, хмыкая. — Интересно, я тоже это скажу, когда ты уведешь ее у меня из-под носа? А?!

Искорка засмеялась. Но в этом ее смехе уже не было той беззаботности — фея поняла, что между этими двумя леши-ми идет нешуточная борьба.

— Так... ну, хватит, — сказала она, вставая. — Я хочу искупаться. Вода сегодня теплая.

— В озере-то? — удивился Огнеяр. — Там же холодно!

— Для феи — в самый раз, — улыбнулась Искорка, скинула плед и, не оборачиваясь, пошла к воде.

Лешие замерли. Они смотрели, как она входит в воду, как ее крылышки складываются за спиной, как лунный свет серебрит ее светлые волосы. Им обоим было неловко. Но обоим хотелось смотреть и смотреть.

Она нырнула, и на поверхности остались только круги, которые расходились, унося с собой отражение звезд и светлячков над водой. Через мгновение Искорка вынырнула, отфыркиваясь и смеясь.

— Прыгайте ко мне! Вода просто чудесная!

Милван и Огнеяр переглянулись.

— Ну уж нет! — сказал леший из Северных Урочищ. — Я леший, а не водяной! Я и так весь взмок, пока старый дуб с тобой лечил!

— А ты, Милван? — фея посмотрела на него.

Милван почувствовал, что краснеет. Он не был готов к купанию при фее и рядом с ней. Но, увидев ее улыбку и блеск ее

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.